

3. Секретов С. Ровесник века. [Электронный ресурс]. – URL: www.magazines.russ.ru/homo_legens/2016/2/rovesnik-veka.html.

4. К. Чупринин Владимир Познер: «Авиатор» написан очень вкусно». [Электронный ресурс]. – URL: <https://goslitmuz.ru/news/158/3049/?month=10&year=2015>.

*Ю. В. Плотникова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный университет
Научный руководитель к. филол. н., доцент О. А. Скубач*

РАССКАЗ Т. ТОЛСТОЙ «НА МАЛОМ ОГНЕ» КАК ПРОГРАММНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СБОРНИКА «ЛЕГКИЕ МИРЫ»

Аннотация

В статье рассматривается рассказ Т. Толстой «На малом огне», открывающий сборник «Легкие миры» (2014). Именно он является основным источником тем и мотивов, к которым Толстая впоследствии будет обращаться в других рассказах сборника. Особое внимание уделено интертекстуальным отсылкам.

Ключевые слова: Т. Толстая, интертекстуальность, цитаты.

В сборник «Легкие миры» (2014) вошли произведения разных литературных жанров: повести, рассказы, эссе. Сборник состоит из трех частей, трех блоков: «Легкие миры», «С народом», «Может быть, свет». В каждом из них произведения объединены в цикл, однако отдельные тексты могут перекликаться на сюжетном, мотивном, идейном уровне не только с текстами своего цикла, но и с текстами, вошедшими в соседние циклы.

Программным для всей первой части сборника (а также частично – для двух других частей) стал рассказ «На малом огне». Он открывает сборник и концентрирует в себе основную проблематику «Легких миров»: взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего, личного и общественного, частного и универсального и т.д. Условно рассказ делится на две части. Одна половина рассказа – биографическая; она посвящена воспоминаниям писательницы о своей семье. В эту прозаическую часть встроена вторая, представляющая собой пьесу, написанную еще в 1985 году Татьяной Никитичной и ее старшей сестрой Екатериной Никитичной Толстой. Поводом для написания пьесы послужила золотая свадьба родителей. Такой способ включения одного текста в другой исследователи относят к внутренней интертекстуальности [1, с. 56].

Первая часть рассказа «На малом огне», как уже было отмечено, представляет собой, помимо прочего, своеобразный краткий экскурс в историю семьи писательницы – экскурс, без которого некоторые моменты пьесы могут оказаться малопонятными для читателя, еще незнакомого с родословной

Татьяны Никитичны. Так, в тексте рассказа упоминается дедушка писательницы по материнской линии, поэт-переводчик Михаил Леонидович Лозинский и бабушка Татьяна Борисовна Шапирова, а также дедушка и бабушка по отцовской линии – писатель Алексей Николаевич Толстой и поэтесса Наталья Васильевна Крандиевская. Стихотворения последней не раз цитируются Татьяной Толстой на страницах сборника; в рассказе на «Малом огне» приводятся строчки из стихотворения, посвященного брату писательницы Алексею, умершему еще в младенчестве. К этой же большой семье Толстая причисляет няню Грушу и кухарку Марфу.

История семьи и история их дома (квартиры в Ленинграде, на набережной реки Карповки) тесно переплетается с историей страны. Уже на первой странице рассказа Толстая пишет о планировке квартиры, при этом заглядывая в недалекое прошлое: «...дом был построен по проекту архитекторов Фомина и Левинсона в 1931-1935 годах для работников Ленсовета (тут-то их и начали сразу сажать, работников этих). И – пожалуйста, проектируется комната для прислуги. Только что, можно сказать, каких-то десять лет назад, коммунаки считали, что в доме кухонь вообще быть не должно. Дом политкаторжан на Каменноостровском, с чудным видом на Неву, прямо на Летний сад, так и построен – без кухонь. Советский человек не опустится до такого мешанства, как стояние у плиты. Долой рабский труд, освободим женщину, да здравствуют фабрики-кухни <...>» [2, с. 11-12].

Действительно, в 1920-е и в начале 1930-х в воздухе витали идеи создания домов-коммун, генетически восходивших к фаланстерам и четвертому сну Веры Павловны из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» - домов, где кухни предусматривались не для приготовления, а для разогревания еды, которую жильцы приносили из фабрик-кухонь. В романе Юрия Олеши «Зависть», вышедшем в 1927 году, один из главных героев, Андрей Бабичев, строит коммунальную столовую «Четвертак». Кроме того, старший брат Андрея, Иван Бабичев создает универсальную машину Офелию, способную заменить множество предметов, в том числе кухонную плиту.

«Человек ест, чтобы жить, а не живет, чтобы есть» [2, с. 12], – цитирует Толстая афоризм, звучащий подобно лозунгу. Однако далее, в следующем абзаце, Толстая продолжает ироничные размышления о непоследовательности и двойных стандартах советской власти: «Ну так это простой человек, ему есть не надо, а вот начальству очень даже надо, а поскольку он, начальник, день и ночь работает на благо народа, то ему полагается прислуга, встроенная, так сказать, прямо в кухонный процесс» [2, с. 12]. Слово «встроенная» вряд ли применимо к человеку; «встроенным» может быть предмет, машина - такая, например, как упомянутая выше Офелия.

Несколько последующих за «кухонными» размышлениями страниц занимают всевозможные слухи (одним из частотных слов, которые употребляет в этом отрывке Толстая – «говорят»), своего рода мифы, связанные с домом и его жильцами - теми, кто действительно в нем проживал и теми, кто так и не ступил на порог предназначенной ему квартиры.

Среди первых Толстая называет советского актера, народного артиста СССР и лауреата Сталинской премии I степени Юрия Михайловича Юрьева, а также сестру известного театрального режиссера и актера Всеволода Эмильевича Мейерхольда. Ко вторым относится Сергей Миронович Киров, которому, по слухам, должна была принадлежать доставшаяся семье Толстых квартира. Тот, чье убийство стало началом и своего рода символом «большого террора», в рассказе Толстой тоже предстает как некий символ прошлого (в одном фрагменте Толстая называет его «мальчиком из Уржума» – по названию популярной в советское время, но забытой ныне книги Антонины Голубевой, повествующей о детстве Кирова). Резко контрастируют с этим «прошлым» те современные слова и обращения, которые по отношению к нему использует Толстая, вроде «...«Капитал», подаренный *Кирычу* на *днюху* любящей супругой» (*курсив наш – прим.*). Говоря о Кирове, описывая принадлежащие ему роскошные вещи и мебель, которые можно увидеть в музее, Толстая вновь возвращается к начатой ранее теме: то, что было по умолчанию непозволительно для простого советского человека, было доступно «начальству». «...А сам-то Кирыч вечерами катался на финских коньках в финской шапке – клеил баб, белье носил не пролетарское, а иностранное, добротное – все это в музее любовно выставлено, шкафы и кресла у него были не советские, а удобные и красивые, царского времени» [2, с. 14-15]. Вот только со смертью обладателя этих вещей они стали никому не нужны. Толстая упоминает о том, что в музей этот «никто не ходит», а работники музея «изумлены посетителем-одиночкой, коим была я».

Чуть далее Киров сам становится предметом интереса – Толстая покупает его бюст в одном из антикварных магазинов. При этом писательница искала что-нибудь для своей новой квартиры, но, купив бюст Кирова, она отвозит его на Карповку. Там прошлое соединяется с настоящим, кажется, что ничего не меняется: потолок протекает так же, как в послевоенное время, в шкафу с 1948 года лежат ящики с деталями от мотоцикла. «На антресолях старые «Огоньки», пятидесятых годов, до которых ты не дожил (*Толстая обращается к Кирову – прим.*). Там такая же дрянь, как и в тридцатые и сороковые, но более вегетарианская»; «Это – чулан. Обои в нем лиловые в белую хризантемку, их так и не меняли, держатся с 1935 года. Там живет собака Ясса, боксер. <...> Правда, ее лет сорок уже нет на свете. А для меня она всегда тут» [2, с. 17].

Так относятся к своему дому те, кто в нем вырос. Толстая показывает квартиру не только бюсту Кирова, но и читателю, и тем самым подготавливает его к следующему отрывку. В нем она делится воспоминаниями о детстве, проведенном в этой квартире на Карповке. И хотя из описания квартиры, которое предшествовало этому отрывку, понятно, что в квартире этой нет ничего необыкновенного, кроме, может быть, ее истории, детский взгляд «украшает» ее, глядя на окружающую действительность сквозь призму сказочно-мифологических образов.

В начале этого отрывка Толстая обращается к фольклорным образам, пришедшим из разных культур: в тексте упоминаются герой новгородских

былин Садко, аналог славянской птицы Гамаюн - вещая птица Симуург, пришедшая из иранской мифологии. Не жалея ярких красок, Толстая описывает картины, возникающие в детском воображении: «Еще были сапфиры – эти были непостижимо пышными, синими, как морская глубь <...>. Морская глубь должна быть волнующей, темно-синей, мягко-бархатистой и прозрачной <...>. Зачерпнешь ее эмалированным, за руп тридцать, ковшиком – а она цвета индиго»³. «У детского воображения византийский размах» [2, с. 19], – пишет Толстая на соседней странице, упомянув о том, как ее не впечатлила музейная, настоящая, а не увиденная на иллюстрации в книге драгоценность.

В рассказах сборника Толстая часто обращается к творчеству Александра Сергеевича Пушкина. В «Легких мирах» уже присутствуют цитаты из его произведений, например, из «Сказки о царе Салтане»: «К таинственным вещам, располагавшимся где-то в мире, за пределами нашей квартиры, но все же доступным внутреннему взору, относились также: море-океан – *с кем вы гости, торг ведете и куда теперь плывете*» (курсивом выделена прямая цитата) [2, с. 19].

Кроме того, во фрагменте, посвященном фантазиям маленькой Татьяны о «тяжелых испытаниях», которые готовит ей жизнь, упоминается дуэль. Татьяна была уверена, что станет писателем, «а писателей вызывают на дуэль и застреливают. Папа возил нас – для подтверждения – на место дуэли Пушкина <...>» [2, с. 22]. Этот небольшой эпизод вызывает в памяти эссе Марины Цветаевой «Мой Пушкин», где она пишет, что первая вещь, которую она узнала о Пушкине – то, что он был убит на дуэли. Поскольку Пушкин был ранен в живот, эта часть тела стала для Цветаевой своеобразным символом любого поэта: «Так я трех лет твердо узнала, что у поэта есть живот, и – вспоминаю всех поэтов, с которыми когда-либо встречалась, - об этом *животе* поэта, который так часто несyt и в который Пушкин был убит, пеклась не меньше, чем о его душе» [3, с. 17]. Так и для маленькой Татьяны Толстой дуэль стала неким символом, обязательным атрибутом жизни писателя.

На протяжении этого отрывка, посвященного детским воспоминаниям, реальное сливается со сказочным. Работа представляется таким же тяжелым испытанием, как, например, сказочное задание отобрать мак от проса. Также в детском сознании за счет владения персидским языком реальный человек, Михаил Лозинский, вырастает в некую величественную, равную богам фигуру: «...ведь он практически имел волшебный доступ в мир, где тихо сияли лалы и смарагды» [2, с. 23].

Такой же мифологической фигурой в рассказе предстает Михаил Александрович Бонч-Бруевич, советский радиотехник. Толстая сравнивает его с инженерами прошлого, которым не нужно было рисовать чертежей и продумывать мельчайшие детали на бумаге. Они обладали способностью изобретать все это «прямо в голове». Толстая со слов отца приводит в качестве

---

³ Толстая, Т. Легкие миры. М.: АСТ, 2014, с. 18.

примера историю о том, как Михаил Александрович прямо за обедом, за полторы минуты, придумывает схему водоизмерительного прибора.

Разумеется, эта история, как и многое другое, о чем пишет Толстая, приукрашена, гиперболизирована. Она приобретает черты мифа; советской культуре свойственно мифологизировать действительность. Также можно воспринимать эту и другие рассказанные Толстой истории как элементы фольклора. Рассказ «На малом огне» содержит в себе множество отсылок к советскому фольклору: то, что можно условно назвать анекдотами (о Кирове: «смельчаки-антисоветчики говорили, что фамилию эту надо читать задом наперед, и тогда получится Ворик» [2, с. 16]), частушки («Когда Ленин умирал, / Сталина наказывал: / Хлеба людям не давай, / Мяса – не показывай. Так припевал народ, а бабушка любила народ и служила ему чем могла» [2, с. 27-28]), пословицы («Там в одном номере замечательные «пословицы русского народа», которые придумала у себя в кабинете какая-то коммунистическая сволочь вроде тебя, Сергей Миронович. «Чан Кайши на Формозе – как блоха на морозе», «Лондон и Вашингтон дуют в один тон», «В Москве живет наш дед – Верховный совет», «От ленинской науки крепнут разум и руки», «В колхоз пришел – кафтан нашел» [2, с. 17]) и т.д. И рассказанные Толстой истории также обладают приметам элементов фольклора и могут быть отнесены, например, к байкам.

Вторая часть - пьеса «Накануне, или Свои люди – сочтемся» - как видно уже по названию, насквозь цитатна. Название пьесы отсылает сразу к двум произведениям русской классики – роману И.С. Тургенева «Накануне» и комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся».

Во-первых, стоит обратить внимание на то, что Толстая соединяет в одном заглавии два произведения, принадлежащие к разным литературным родам – драме и эпосу. Такое соединение свойственно и самому рассказу «Легкие миры», в котором, как уже было сказано, объединились рассказ и пьеса.

Во-вторых, произведения, названия которых цитируются в названии, являются абсолютно разными по своему настроению и характеру. «Свои люди – сочтемся» - это комедия. Пьеса Толстой тоже по большей части комедийна, однако ее философский финал по настроению ближе к роману Тургенева.

В-третьих, с сюжетом пьесы Толстой эти произведения объединяет так или иначе упоминающаяся тема неравного брака. В романе Тургенева главная героиня, Елена Стахова, дочь дворян, тайно выходит замуж за разночинца Дмитрия Инсарова. Родители Елены оскорблены ее выбором. В пьесе Островского речь также идет о неравном браке, хоть и совершенном с согласия родителей: купеческая дочь Липочка выходит замуж за приказчика Подхалюзина. В рассказе Татьяны Никитичны также упоминается некоторое различие в положении двух семей: «Толстые были вполне себе богатые, а Лозинские – не очень-то» [2, с. 27].

Кроме того, в первой части рассказа Толстая упоминает о «практической», а не «романтической» причине этого брака: Толстой женится на Лозинской для того, чтобы ее не выслали как врага народа. Выдавая Липочку замуж за

Подхалюзина, Самсон Силыч Большов также преследует практическую цель: не желая возвращать долги, он переводит свое состояние приказчику Подхалюзину и объявляет себя банкротом. Однако это не спасает его от «долговой ямы». Смысл названия «Свои люди – сочтемся», как правило, истолковывают следующим образом: действующие лица пьесы, преследуя свои цели, обманывают друг друга. Это объединяет их, «свои люди» здесь значит «обманщики».

Что объединяет персонажей пьесы Толстой? Вероятно, то, что их прототипы так или иначе принадлежат к миру литературы. И при написании пьесы Татьяна Никитична и ее сестра крайне интересно обыграли эту принадлежность. Алексей Николаевич Толстой, дед писательницы по отцовской линии, известен как писатель, автор целого ряда романов, повестей, рассказов, сказок и пьес. Рассмотрим, какие из написанных им произведений нашли отражение в пьесе, созданной его внучками.

Уже в первой сцене Алексей Николаевич, «обвязав голову полотенцем, печатает на машинке» [2, с. 35]. Не вслушиваясь в восклицания супруги, Натальи Васильевны, он произносит:

«Царь Петр... Пятая картина...

Князь Меншиков стреляет в Буратино...» [2, с. 35].

Здесь комически смешиваются два произведения, вышедших из-под пера Алексея Николаевича – пьеса «Петр Первый» (окончательная редакция датирована 1938 годом) и повесть-сказка «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Не исключено, что название пьесы «Накануне, или Свои люди – сочтемся» навеяно не только традицией, но и названием сказки про Буратино. Тем более что впоследствии она была переработана в пьесу и сценарий для фильма А. Птушко.

Аналогичное смешение персонажей и сюжетов обнаруживается в другой реплике:

«Отрывок этот должен мне удался!

А если так?.. Мальвина с Артемоном

Ведут борьбу за власть над русским тронем,

А в это время страшный Карабас...» [2, с. 36].

Также в реплики Алексея Николаевича вклинивается еще один его персонаж, на этот раз - из романа «Эмигранты»:

«Хаджет Лаше... Отменный волокита...» [2, с. 35].

Мохаммед-Бек Хаджет Лаше (в другом варианте – Хаджетлаше, Хаджи-Лаше) – реальное историческое лицо, основатель тайной организации «Русская Лига», известной также как «Лига убийц» или «Военная организация для восстановления Империи». Сведения об этом человеке весьма обрывочны и противоречивы, известно лишь, что «Хаджет Лаше» - один из множества его псевдонимов. Как уже было отмечено выше, он появляется в романе, написанном А.Н. Толстым под впечатлением от жизни в эмиграции (1918-1923 гг.). Возможно, упоминание этого имени в пьесе необходимо для того, чтобы подчеркнуть: мысли Алексея Николаевича витают слишком далеко от

действительности, в вымышленном мире литературных произведений либо в эмигрантском Париже. В дальнейшем мы получаем подтверждение этому в репликах:

«Наталья Васильевна

Наш сын!!! Ни-ки-та!!! Женится! Сейчас!

Алексей Николаевич (осознав)

Как женится?.. Скандал на весь Пасси!

Наталья Васильевна

Да мы в России, Господи спаси!!!

Алексей Николаевич

Ну да?! С каких же пор?

Наталья Васильевна

Второй десяток лет» [2, с. 36].

Когда Наталья Васильевна обнаруживает, что супруг ее практически не понимает, она спрашивает у него:

«Вчера с Качаловым вы пили или нет?

Алексей Николаевич

Да, верно, встретились... Там был какой-то Джим...» [2, с. 36].

Речь идет о встрече с известным русским актером, народным артистом СССР Василием Ивановичем Качаловым. Некий Джим, о котором упоминает Алексей Николаевич – пес Качалова, доberman, тот самый, которому Сергей Есенин посвятил стихотворение («Дай, Джим, на счастье лапу мне...»). Стихотворение «Собаке Качалова» Есенин написал в 1925 году, тогда же оно было опубликовано в газете «Бакинский рабочий». Действие пьесы Толстой разворачивается в 1935 году; неизвестно, был ли еще жив пес Джим. Вполне возможно, что Алексей Николаевич снова ошибается, запутавшись в датах и событиях. Знакомство с Качаловым (впоследствии в тексте будут упомянуты Есенин, Маяковский, а также итальянский писатель, основатель футуризма Филиппо Томмазо Маринетти) свидетельствует о принадлежности к миру искусства. Реплики Алексея Николаевича и Натальи Васильевны, в которых русский язык перемешивается с французским, подчеркивают их образованность и напоминают о дворянском происхождении Толстых.

Отсылки несколько иного рода содержатся во второй сцене, где действующими лицами являются дедушка и бабушка писательницы по материнской линии – Михаил Леонидович Лозинский и Татьяна Борисовна Шапирова. Первый известен как поэт, переводчик с английского, французского, испанского, итальянского и других языков. Об этом Толстая упоминает в первой части рассказа: «...а мой дед, поэт-переводчик Михаил Лозинский, знал шесть языков, среди них – персидский, что в моих глазах делало его небожителем» [2, с. 22-23]. Татьяна Борисовна была дочерью Бориса Михайловича Шапирова, известного своей медицинской и научной деятельностью. Она работала музейным экскурсоводом.

Первая реплика Михаила Леонидовича начинается с прямой цитаты из «Божественной комедии» Данте, которую Лозинский перевел на русский язык:

«Земную жизнь пройдя до половины,
На сердце ныне тяжкий груз держу» [2, с. 38].

Татьяна Борисовна Шапирова не писала ни стихов, ни прозы, однако в пьесе цитируются ее любимые писатели-классики. О литературных предпочтениях бабушки Толстая также упоминает в рассказе: «Литературные вкусы у нее – на мой взгляд – были неправильные: она обожала Некрасова и Чернышевского, одного – за озвученный им вой и стон русского народа, другого – за романтическую веру в то, что можно все поделить поровну и жить дружно» [2, с. 28]. В соответствии со взглядами Татьяны Борисовны ее внучка «переписывает» стихотворение «Размышления у парадного подъезда» Н.А. Некрасова. В пьесе Шапирова является представительницей интеллигенции, которая не «хвастает одеждами модными», отказывается «от счастья личного». Рефреном звучат слегка измененные строки из стихотворения Некрасова:

«Топчет землю ступнями холодными
Терпеливый наш русский народ.
Топчет он по полям, по дорогам,
Топчет он под овинном, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи...» [2, с. 38-39].

В первой части рассказа Толстая приводит факты из жизни ее бабушки, подтверждающие, что жила она отнюдь не так, как барин из некрасовского стихотворения, которому нет дела до бед простого человека. Тайно от семьи Татьяна Борисовна на протяжении тридцати лет помогала тридцати шести нуждающимся семьям. После ее смерти эту традицию продолжила мать Толстой, Наталья Михайловна.

Собираясь к Толстым, Татьяна Борисовна решает отправиться на смотрины босиком, «во славу толстовской традиции, слившись всею душой с мужиком» [2, с. 39]. Пока Лозинские босиком бредут в гости, Толстые занимаются сервировкой стола. Наталья Васильевна не может допустить ни малейшей промашки. Она вспоминает обеды прошлых лет, попутно цитируя Державина:

«Ты помнишь случай у мадам Гучковой?
Мы собрались. Хрусталь блестит в столовой.
Все ждут Керенского. Он входит наконец.
Вдруг, видим... нет салфеточных колец!
Прислуга – в обморок, хозяин – пулю в лоб,
Где стол был яств – теперь дубовый гроб,
Хозяйка – в монастырь, а дети – по приютам...
Вот как пренебрегать домашним-то уютом!» [2, с. 41].

Во время обеда речь, естественно, заходит о женихе и невесте. Толстые просят родителей невесты рассказать о ней. Михаил Леонидович Лозинский цитирует в первых двух строках «Полтаву» Пушкина:

«Прекрасной дочерью своей
Гордился старый Кочубей,
Сошедший с плахи в ров могильный.

Будь он свидетель наших дней,
Он умер бы еще страшней –
От корчей зависти бессильной» [2, с. 45].

С Василием Леонтьевичем Кочубеем дедушку писательницы роднит, вероятно, то, что оба они были осуждены: Кочубей – за ложный донос на гетмана и измену, Михаил Леонидович в описываемой ситуации считался, как дворянин, причастным к убийству Кирова. До 1935 года Лозинский уже задерживался по делу Н. Гумилева и отбыл наказание за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Во время обеда звучит фамилия Бонч-Бруевича, с которым читатель уже познакомился в первой части рассказа. Наталья Васильевна, рассказывая о Бонч-Бруевиче Лозинским, подкрепляет сложившееся о нем мнение как о некоем сверхчеловеке следующим описанием:

«Он в физике Эйнштейну равен,
Умен, красив, как древний грек.
О, Бонч чудесный человек!» [2, с. 47].

Хоть Толстые предпочитают телячьи, птичьи и свиные языки, а Лозинские – Дантов, персидский и прочие, общий язык им все-таки удастся найти во время разговора о детях и о будущих внуках. Поначалу они приходят к выводу, что иметь детей в наше время – «большое бремя», перечисляют множество ужасов, которые ждут их семьи с появлением внуков. Но как только они приходят к общему выводу: «Дети – это полный мрак!!!», свет гаснет. Бабушки и дедушки быстро понимают, что ошиблись, что погас не только свет, но и жизнь, их род. Когда они отказываются от своих неосторожных слов, один за другим на сцене начинают появляться внуки – они пришли из будущего со свечами в руках, чтобы осветить мрак 30-х годов.

Толстая завершает рассказ, снова перейдя от личного к общественному, от истории семьи к истории страны: питерский Дом писателей, в котором праздновали золотую свадьбу Толстые, в «лихие девяностые» сгорел дотла, подожженный бандитами. Но прошлое здесь вновь соединяется с настоящим; так же, как в квартире Толстых на Карповке, здесь существует некое четвертое измерение, «легкий мир», в котором «всё тут, и дом, и зал, в котором мы их всех воскресили, и помянули, и омолодили, и вывернули время наизнанку, чтобы прошлое стало настоящим, а настоящее показалось далеким будущим» [2, с. 54].

Используемая литература

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 444 с.
2. Толстая Т. Легкие миры. – М.: АСТ, 2014. – 477 с.
3. Цветаева М. И. Проза. – М.: Современник, 1989. – 590 с.